Е. М. Филиппова

https://orcid.org/0000-0002-5347-2293
✉ *efilippova69@gmail.com*
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
(Россия, Санкт-Петербург)

Роль дебютного жанра в творческой карьере писателей начала XIX в.: социальные стратегии и статистический анализ

Аннотация. В статье рассматривается связь между сословным происхождением русских писателей начала XIX в. и жанром их первого опубликованного произведения. Исследование опирается на материалы многотомного биографического словаря «Русские писатели. 1800–1917» (т. 1–6. М., 1989–2021). Выборка включает 361 писателя (около 12% от общего массива словаря), чей литературный дебют пришелся на 1800–1830-е годы, основное ядро исследования составляют авторы, родившиеся в 1780–1800-е годы. В анализе учитываются шесть сословных категорий (дворяне, духовенство, купцы, мещане, крестьяне, разночинцы) и восемь обобщенных жанровых категорий (поэзия, проза, драматургия, публицистика, перевод, нелитературный текст, иное, гибрид). Показано, что дворяне чаще дебютировали поэзией, духовенство — публицистикой и нехудожественными текстами, представители низших сословий — поэзией и переводами, а разночинцы демонстрировали наибольшее жанровое разнообразие, включая прозу и драматургию.

Ключевые слова: русская литература; первая треть XIX в.; социология литературы; институализация литературы; статистика; дебютный жанр; литературное поле; социальные стратегии

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 24-18-00761, https://rscf.ru/project/24-18-00761/, ИРЛИ РАН.

Для цитирования: *Филиппова Е. М.* Роль дебютного жанра в творческой карьере писателей начала XIX в.: социальные стратегии и статистический анализ // Шаги / Steps. Т. 12. № 3. 2026. С. 259–277. EDN: SHFLZS.

Поступило 30 сентября 2025 г.; принято 2 июля 2026 г.

© Е. М. ФИЛИППОВА, 2026

E. M. Filippova

https://orcid.org/0000-0002-5347-2293
✉ *efilippova69@gmail.com*
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Saint Petersburg)

The role of the debut genre in the creative career of writers of the early 19th century: Social strategies and statistical analysis

Abstract. The article examines the relationship between the social estate background of Russian writers of the early nineteenth century and the genre of their first published work. The study is based on materials from the multi-volume biographical dictionary *Russian Writers. 1800–1917* (vols. 1–6, Moscow, 1989–2021). The sample includes 361 writers (approximately 12% of the dictionary's total corpus) whose literary debut occurred between the 1800s and the 1830s; the core of the study involves authors born between the 1780s and the 1800s. The analysis takes into account six social estate categories (nobility, clergy, merchants, townspeople, peasants, and *raznochintsy*) and eight generalized genre categories (poetry, prose, drama, journalism, translation, non-literary text, other, and hybrid). The study demonstrates that members of the nobility most often debuted in poetry, the clergy in journalism and non-fictional texts, representatives of the lower estates in poetry and translation, while the *raznochintsy* displayed the greatest genre diversity, including prose and drama. Based on the data obtained, we can conditionally identify the following types of debut strategies popular among writers of the early 19th century: the strategy of prestige (choose a genre that will highlight the refinement of taste and education of the author), the strategy of usefulness (start with a genre that has practical application in order to first earn a name), the strategy of imitation of the canon (debut in a genre that is fashionable and generally accepted).

Keywords: Russian literature; first third of the nineteenth century; sociology of literature; institutionalization of literature; statistics; debut genre; literary field; social strategies

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project № 24-18-00761, https://rscf.ru/project/24-18-00761/, at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences.

To cite this article: Filippova, E. M. (2026). The role of the debut genre in the creative career of writers of the early 19th century: Social strategies and statistical analysis. *Shagi / Steps, 12*(3), 259–277. EDN: SHFLZS. (In Russian).

Received September 30, 2025; accepted July 2, 2026

© E. M. FILIPPOVA, 2026

EDN: SHFLZS

Введение

В истории литературы дебютные произведения писателей нередко рассматриваются как ключ к пониманию их дальнейшего творческого пути. Жанр, в котором автор впервые заявляет о себе, может свидетельствовать о его эстетических предпочтениях, целевой аудитории и стратегии вхождения в литературное сообщество. Литературоведы все чаще подходят к анализу подобных явлений с позиций социологии литературы, рассматривая литературу как социальный институт, встроенный в ткань общественных отношений[1]. Тем не менее вопрос, в какой мере социально-биографические факторы влияли на выбор формы первого опубликованного произведения, остается недостаточно изученным.

Наша задача — понять, какую роль дебютный жанр мог играть в литературной карьере писателей начала XIX в. Для этого мы анализируем социальные стратегии авторов, т. е. рассматриваем совокупность осознанных и неосознанных ориентиров при вхождении в литературу, которые формировались под влиянием происхождения, образования, круга общения и доступа к литературным институтам. Мы предполагаем, что дворяне, духовенство, купцы, крестьяне, мещане и представители смешанного сословия могли выбирать разные пути самовыражения (например, через публикацию стихотворения в модном журнале или через печать переводов или статей в ведомственных изданиях) и что эти различия поддаются количественному анализу.

При этом само понятие дебюта отнюдь не однозначно. Социологи литературы рассматривают вход в литературное поле не как разовое событие, а как сложный процесс интеграции в систему со сложившимися институтами, ресурсами и механизмами легитимации [Bourdieu 1991]. Поэтому отправной точкой писательского пути может считаться различный набор событий: первая публикация (отдельного произведения или книги), получение признания (через литературную критику, профессиональный круг общения или покровительство влиятельных лиц)[2] либо формирование устойчивой авторской репутации и узнаваемого творческого имени. Таким образом, в количественном анализе понятие дебюта неизбежно требует уточнения: исследователь вынужден выбрать конкретный критерий (например, «первое выступление в печати» или «первая книга») и отдельно зафиксировать пограничные случаи. Примем следующее опре-

[1] У. М. Тодд III, вероятно, стал одним из первых исследователей, который применил понятие «институт» к анализу русской литературной культуры начала XIX в., предложив рассматривать литературу 1800–1830-х годов не как изолированное явление, а как сложную систему взаимодействующих и конкурирующих структур, в которую входили система покровительства, дружеские сообщества (литературные кружки и салоны), различные периодические издания (альманахи и журналы), а также профессиональная коммерческая литература [Todd 1986]. См. об этом также: [Гудков, Дубин 2020: 46–152, 648–711].

[2] Здесь следует учитывать, что в начале XIX в. первые публикации не всегда воспринимались современниками как подлинное вступление в литературу или дебютное произведение распространялось в рукописных списках, минуя печатное издание.

деление: дебютом считается первый опубликованный текст, отраженный в статье словаря [РП]. Для драматических произведений дебютом признается в том числе первая сценическая постановка, которая часто предшествует публикации. Такая трактовка может показаться наивной, однако она согласуется с логикой справочно-биобиблиографической традиции, фиксирующей только документируемые факты.

Подобный подход неизбежно влечет за собой определенные ограничения. Вне внимания остается, во-первых, «допечатный» период литературной биографии: циркулирующие рукописные тексты, чтения в кружках, домашние альманахи и другие формы «предпубличного» существования произведений, которые могли быть важны для формирования авторского статуса, но плохо поддаются фиксации в источниках. Во-вторых, не учитываются каналы легитимации, не сводимые к публикации: участие в салонах и университетских сообществах, покровительство, служебные и семейные связи, которые могли открывать доступ к журналам и издателям и, соответственно, влиять на выбор дебютного жанра. Однако при всех оговорках выбранный метод дает возможность систематически сравнивать большие группы авторов. Мы сознательно опираемся на то, что лучше всего документируется и сопоставляется, понимая, что за видимой точкой отсчета почти всегда скрывается более ранний и менее изученный этап.

Историко-культурный контекст

Начало XIX в. — время кардинальных перемен, затронувших не только эстетические ориентиры, но и социальный состав русского литературного сообщества. Если в XVIII столетии художественным творчеством занимались преимущественно аристократы-энтузиасты или образованное духовенство[3], то в первые десятилетия XIX в. русская литература постепенно превращается в самостоятельный социальный институт. Свидетельство тому — появление в 1800–1810-е годы множества кружков и салонов[4] как новой формы объединения писателей, отражавшей их возросшую общественную роль (см: [Бодрова 2021: 5]).

---

[3] В. Г. Джонс отмечает, что начиная со второй половины XVIII в. «литературные достижения считались одним из самых явных признаков благородного происхождения» (literary accomplishments were considered to be one of the clearest indications of nobility) [Jones 1996: 297]. Исторически же, до Петровских реформ, письменное творчество было главным образом уделом духовенства [Reyfman 2012: 4–6]. Согласно статистическим данным, приведенным В. Нахирны, среди литераторов, родившихся в период с 1750 по 1799 г., преобладали потомственные дворяне (71,3%) [Nahirny 1983: 28]. Подробнее об этом см.: [Живов 1997: 55]. Аналогичные данные приводит А. Н. Севастьянов: в последней трети XVIII в. дворяне составляли значительную часть литературных деятелей, около 50% авторов имели дворянское происхождение, а если учитывать литераторов, получивших дворянство за службу, то доля представителей этого сословия достигала ⅔ от общего числа писателей того периода [Севастьянов 1984: 66–67].

[4] Салоны существовали и до этого, но «не имели значения литературного факта» [Аронсон, Рейсер 1929: 4].

К 1820-м годам все явственнее прослеживается присутствие на литературной сцене представителей «третьего сословия» и крестьянства. Именно в этот период появляются первые «поэты-самоучки» — выходцы из крепостных или недавно освободившиеся от крепостной зависимости: Е. И. Алипанов, И. И. Варакин, И. С. Сибиряков, Ф. Н. Слепушкин, М. Д. Суханов и др. [Калмановский 1966: 28]. Особую группу составляли мещане и купцы. Часть из них, имея соответствующий достаток и образование, могла позволить себе профессионально заниматься литературной деятельностью. Так, один из основоположников русского исторического романа, И. И. Лажечников, происходивший из зажиточного коломенского купечества, дебютировал в 1807 г. А. В. Кольцов, сын прасола из Воронежа, прославился как самобытный поэт, воспевавший крестьянскую жизнь, его первые стихи попали к литературным покровителям и были анонимно изданы в 1830-е годы [РП (3): 32–33]. Подобные фигуры часто (но не всегда) занимали пограничное положение между просвещенной публикой и низшим сословием, нередко выступая посредниками: их творчество фокусировалось на изображении жизни и нравов простых людей, что соответствовало романтической моде 1830-х на «голос народа»[5].

В то же время многие мещане и выходцы из купеческой среды, попробовав себя на поприще изящной словесности, вынуждены были отказаться от писательской карьеры: насущная необходимость заниматься торговлей или находиться на службе не давала возможности полностью посвятить себя литературному труду[6].

Наконец, к завершению первой трети XIX столетия заметную роль начинают играть разночинцы. Среди них было много детей чиновников, отставных военных, обедневших дворян — всех тех, кто получил образование, но не имел высокого социального статуса. Литература для таких авторов часто становилась социальным лифтом, ареной, где можно завоевать уважение и влияние, недоступные по рождению. Однако опубликованная статистика [Севастьянов 1984; Сущий 2020] показывает, что в 1800–1830-е годы их первые шаги в печати почти не отличались от общих тенденций: подавляющее большинство дебютировали поэзией или переводами, реже прозой. Характерная ориентация на статьи, памфлеты и фельетоны утвердится позднее — в 1840–1860-е годы [Сущий 2020: 135]. При этом исходные условия — уровень образования, влиятельные покровители и достаток — во многом предопределяли успех разночинца.

---

[5] Ф. И. Буслаев в работе «Русский богатырский эпос» (1860–1861) рассуждает: «Неужели же это та же мода на народность, занесенная к нам с Запада, как заносилась мода на классицизм, сентиментальность, романтизм...» [Буслаев 1987: 11].

[6] Крайне малочисленны были те, кто решался полностью посвятить себя литературному труду, поскольку заработать на жизнь этим ремеслом удавалось единицам. Одним из таких редких примеров стал Н. А. Полевой — выходец из купеческого сословия. Его амбициозный проект — журнал «Московский телеграф» — просуществовал до 1834 г., когда был закрыт властями. После этого Полевому пришлось кардинально изменить свой способ заработка: он был вынужден сотрудничать сразу с несколькими изданиями на поденной основе, зачастую выступая анонимно [РП (5): 30–37].

Таким образом, на историко-культурный фон литературных дебютов начала XIX в. заметно влияла сословная структура российского общества, хотя он, разумеется, не сводился к одному этому фактору. Дворянство по-прежнему играло главенствующую роль в литературе, особенно в раннеромантическую эпоху, задавая тон и вкусы (предпочтение высоким поэтическим жанрам, издание альманахов и т. п.)[7]. Вместе с тем постепенно расширялась социальная база литературы: к ней начали подключаться способные представители низших сословий — городского сословия и крестьянства, а ко второй половине века и массово разночинцы-интеллигенты. Эти группы привносили новые темы, стили и жанровые формы и сами встраивались в литературное поле, учитывая его гласные и негласные правила. Далее мы увидим, как различия проявлялись уже на самом этапе дебюта — выборе жанра и формы первого произведения.

Методология

Основу исследования составили материалы электронной базы данных проекта РНФ № 24-18-00761 «Социальная история русской литературы XIX века», построенной с опорой на издание [РП] — один из наиболее полных справочников по истории русской литературы, содержащий сведения о более чем 2800 писателях дореволюционной эпохи [Бодрова, Гуськов 2025: 30]. Из общего корпуса нами отобрана 361 персоналия, что составляет около 12% от совокупного массива словаря; критериями отбора выступили, во-первых, фиксация дебютного появления в печати в пределах 1800–1830 годов (включая пограничные случаи начала 1830-х, обусловленные неоднородностью справочной датировки), во-вторых, достаточная документированность биографических и библиографических сведений, позволяющая сопоставлять социальные характеристики и параметры. Хронологически выборка охватывает авторов, родившихся преимущественно в конце XVIII — начале XIX в. Распределение по десятилетиям рождения представлено на графике 1.

Тем самым основное ядро исследования формируется поколением 1780–1800-х годов (около 85% от числа авторов с установленной датой рождения).

Для каждого писателя в таблицу базы заносились следующие релевантные поля: год первого опубликованного произведения (1800–1830 гг.); тип дебюта — публикация текста в периодике или отдельное издание; жанр дебютного произведения; название журнала, газеты или сборника, где состоялась первая публикация; сословный статус, полученный при рождении; а также некоторые другие параметры (основные жанры твор-

[7] «В последней трети XVIII в. (период европейского сентиментализма) ведущей специализацией в русском литературном сообществе являлась поэзия, которую выбирала почти треть дебютировавших в это время авторов. ‹...› Начало XIX в., совпавшее с расцветом русского романтизма, сохраняет соотношение ведущих специализаций. Предпочтение поэтического искусства у литературных дебютантов остается ощутимым на протяжении всей первой трети века» [Сущий 2020: 136].

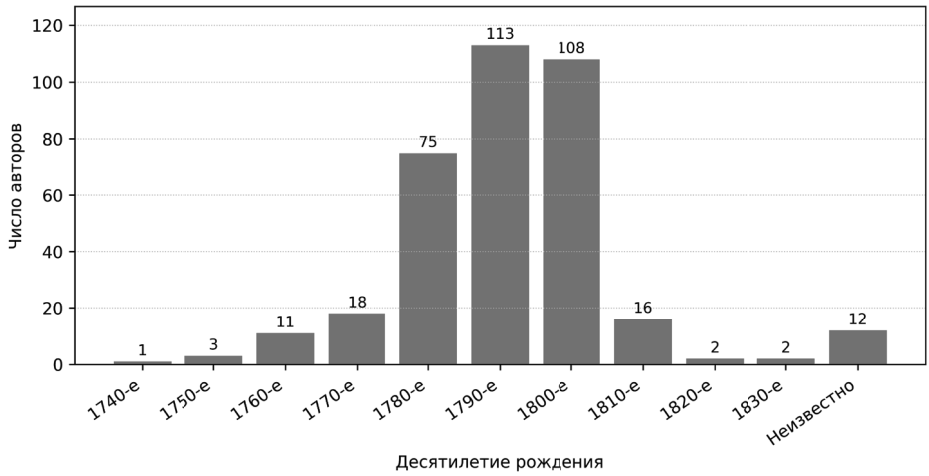

График 1. *Распределение по десятилетиям рождения (1800–1830)*

Chart 1. *Distribution by birth decades (1800–1830)*

чества в последующие периоды, участие в литературных кружках, факты цензурной и критической рецепции). В настоящей работе из этой совокупности данных задействованы прежде всего две переменные — происхождение и вид дебюта, остальные же сведения привлекаются для интерпретации результатов.

При категоризации происхождения авторов мы исходили из сословной структуры Российской империи. Во всех биографических словарях жизнь писателя традиционно начинается с описания социального статуса семьи, однако эти формулировки нередко разнородны (например, «дворянин», «сын священника», «из крепостных крестьян», «мещанин» и т. п.). В нашей базе данные о происхождении унифицированы до нескольких основных категорий: дворянство, духовенство, крестьянство, мещанство, купечество и разночинцы. К последним мы относим детей солдат, актеров, мелких чиновников и низших придворных служащих. Осознанно исключены из рассмотрения иностранцы, чья литературная карьера протекала в иных социальных условиях, а также случаи, когда происхождение автора не установлено. При всех допущениях такая классификация позволяет достаточно точно отразить социальный профиль литераторов и провести корректное сопоставление групп. Мы отдавали себе отчет, что смешанные случаи (например, дворянско-купеческое происхождение) могут несколько искажать картину; однако их доля в выборке невелика, и для ясности анализа они были исключены либо отнесены к преобладающему компоненту (например, если отец дворянин, а мать купеческого рода, автор считался дворянином).

Следует также сказать, что для настоящего исследования принципиально важно сопоставить вид дебюта не с последующими стратегиями легитимации (получение чина или дворянства, служебное продвижение, из-

менение статуса через брак и т. п.), а с теми ресурсами и ограничениями, которые задавались изначально (доступ к образованию, тип воспитания, сети покровительства, вероятность раннего приобщения к литературе)[8]. В частности, нас мог бы интересовать вопрос о том, как выбор жанра первого опубликованного произведения связан не столько с сословием как таковым, сколько с механизмами социальной мобильности и попыткой автора преодолеть границы своего социального круга. Однако проверка такой гипотезы требует иной исследовательской оптики и другого набора переменных (чин и служебная карьера, образовательные маршруты, участие в кружках, динамика статуса во времени, последовательность публикаций и т. п.) и выходит за рамки данной статьи. Поэтому здесь происхождение трактуется в узком смысле: как атрибут, данный от рождения, а не итог жизненного пути или самоидентификации.

Не меньшую сложность представляет унификация понятия жанра дебютного произведения. В биографических статьях словаря дебюты описаны вразнобой — иногда через название произведения («опубликовал рассказ...»), иногда через вид издания («впервые выступил в альманахе...»). Мы провели сверку по библиографическим указателям и установили конкретный жанр первого опубликованного текста для каждого автора. При этом жанровое определение приводилось к единому списку терминов. В качестве базового принципа категоризации избрана дифференциация текстов по форме представления, дополненная с учетом их функциональной направленности: выделены поэзия (включая в том числе поэму, оду и басню в стихотворной форме), проза (повесть, рассказ, роман и т. п.), драматургия (пьеса, сценический текст, либретто). Отдельно учитывались публицистика (статья, очерк, фельетон), перевод, нелитературные тексты (историческое сочинение, трактат и т. п.), а также иное (путешествие, мемуары). При этом категория «перевод» в нашей классификации вводится прежде всего в соответствии с логикой и дефинициями исходного справочного источника: в словарных статьях художественный перевод, как правило, рассматривается не как разновидность «поэзии» или «прозы», ключевую роль играет тот факт, оригинальное перед нами сочинение или адаптация чужого текста, т. е. перевод практически всегда предполагает специфический путь утверждения автора в литературном поле (знание языков, доступность первоисточников и т. п.).

Если дебютом автора была подборка разножанровых материалов (например, одновременно стихи и прозаические отрывки в одном альманахе) или сложная, смешанная форма (поэма в прозе, роман в стихах и т. п.), то такой случай отмечался как «гибрид», однако подобные ситуации единичны. Таким образом, каждый дебют был отнесен к одной из восьми основных категорий: поэзия, проза, драматургия, публицистика, перевод, нели-

[8] Теоретическое обоснование данного подхода опирается на концепцию поля литературы П. Бурдьё. Согласно ей, дебют представляет собой первый акт позиционирования, в ходе которого автор использует доступный ему «начальный капитал» — образовательный, культурный и социальный.

тературный текст, иное, гибрид. Предложенная классификация, с одной стороны, укрупняет разнородные жанровые определения, встречающиеся в источниках, а с другой — отражает принципиальные различия между творческими стратегиями. Для полноты картины мы также покажем внутреннюю структуру этих укрупненных групп. Иными словами, помимо сопоставления «поэзии» с «прозой» или «публицистики» с «переводом» будет отдельно графически представлено, какие именно разновидности дебютов преобладают внутри каждой представленной категории.

Количественный анализ

Общий социальный состав корпуса из 361 автора подтверждает обозначенные выше исторические реалии. Преобладают выходцы из дворянских семей — 251 человек (≈ 71%). Существенную долю составляет духовенство — 45 (≈ 12%). Доли «городских» и непривилегированных групп невелики: купцы — 19 (≈ 5%), разночинцы — 26 (≈ 7%), крестьяне — 12 (≈ 3%), мещане — 8 (≈ 2%). Эти пропорции согласуются с оценками историков литературы о доминировании в русской словесности привилегированных сословий (дворянства и духовенства) вплоть до середины XIX в. Мы отдаем себе отчет, что выборка несколько сдвинута в сторону более известных и активных литераторов; в реальности число пишущих дворян было, вероятно, еще выше за счет массы полузабытых стихотворцев-любителей. Тем не менее даже представленные данные показывают, что литературное поле начала века структурировано по сословному признаку, и эта структура накладывала отпечаток на различные аспекты литературной деятельности, включая характер первых публикаций.

Распределение жанров дебютных произведений также ожидаемо демонстрирует доминирование поэзии. В категорию поэзии (лирическое, сатирическое стихотворение, поэма в стихах, ода и т. п.) попадает 181 дебют (≈ 50%) — фактически почти каждый второй автор начинает как поэт. Второй по распространенности траекторией выступает перевод — 66 случаев (≈ 18%), что отражает важность переводческой практики вхождения в печать. Публицистика (статья, очерк, фельетон) дает 42 дебюта (≈ 12%); к нелитературным текстам (ученые, учебные, справочные и иные нехудожественные жанры) относится 34 дебюта (≈ 9%); к рубрике «иное» — 11 (≈ 3%); «гибрид» встречается эпизодически — пять случаев (≈ 1,5%). Наименьшую долю составляет прозаический дебют (рассказ, повесть, роман) — 17 авторов (≈ 5%), а драматургия как первый жанр фиксируется лишь в пяти случаях (≈ 1,5%).

Детальнее динамика дебютных жанров с привязкой к трем первым десятилетиям XIX в. представлена на графике 2.

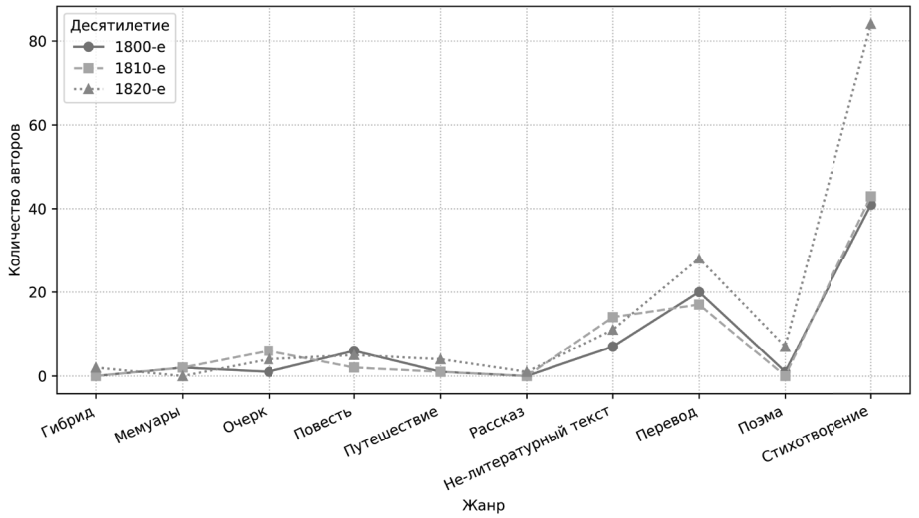

График 2. *Динамика жанров дебюта (1800–1830)*

Chart 2. *Dynamics of debut genres (1800–1830)*

Таким образом, уже на общем уровне можно сделать вывод: поэтический дебют — явление массовое для начала XIX в., тогда как первый прозаический текст — скорее редкость (прозаик обычно «созревал» постепенно или начинал с малого жанра вроде рассказа или очерка)[9]. Драматургический дебют исключителен и, как правило, обусловлен тем, что автор изначально был связан с театральной сферой. А дебют переводчика — распространенный путь для образованных новичков, пробующих свои литературные навыки на чужом материале. Теперь возникает вопрос: как эти тенденции соотносятся с социальным происхождением авторов?

Для ответа сведем данные в таблицу сопряженности: по строкам — шесть основных сословных групп (дворяне, духовенство, крестьяне, мещане, купечество, разночинцы), по столбцам — восемь категорий дебютов (поэзия, проза, драма, нелитературный текст, перевод, гибрид, иное). Анализ этой таблицы показывает разительное различие в предпочтениях (или возможностях) разных групп. Приведем ключевые цифры в табл. 1.

Дворяне — самая представительная группа (251 человек). Из них подавляющее большинство дебютируют как поэты — 134 автора (≈ 53%; в том числе шесть дебютов в жанре поэмы, что составляет ≈ 2% от всех дворянских дебютов; ≈ 4,5% внутри поэтических дебютов дворян). Существенна и роль перевода как стартовой стратегии — 42 случая (≈ 17%). Дебюты в публицистике и нелитературных текстах в сумме дают еще 46 авторов (≈ 18%): сюда входят, например, военные и гражданские чиновники, публиковавшие первые заметки, статьи или учебно-научные

[9] Жанр «роман» в качестве дебюта встречается всего в трех случаях.

Таблица 1 / Table 1

Распределение жанров дебюта в зависимости от происхождения авторов (1800–1830)

Genre distribution in authors' debuts according to their origins (1800–1830)

категории	поэзия	проза	публицистика	драматургия	перевод	нелитературный	иное	гибрид	всего
дворяне	134	11	26	3	42	20	10	5	251
духовенство	12	0	9	0	12	11	1	0	45
крестьяне	6	0	3	0	3	0	0	0	12
мещане	4	0	1	0	3	0	0	0	8
купцы	13	1	1	0	3	1	0	0	19
разночинцы	12	5	2	2	3	2	0	0	26
Всего	181	17	42	5	66	34	11	5	361

материалы. Прозаический дебют у дворян встречается редко — 11 случаев (≈ 4%); драматургия в качестве первой публикации также нечаста (3 случая; ≈ 2%). К рубрике «иное» (мемуары, путешествия и пр.) относится 10 дебютов (≈ 4%); «гибрид» (смешанный формат) фиксируется в пяти случаях (≈ 2%). Такая концентрация на поэзии хорошо согласуется с нормами дворянской культурной среды эпохи романтизма, где изящная лирика служила важным ресурсом символического капитала [Bourdieu 1986]. Проза как стартовая площадка была менее типична, а драматургия — более рискованна (требовала сцены и институциональной поддержки), что объясняет ее эпизодичность в дворянских дебютах[10].

Духовенство (в нашей выборке 45 человек) демонстрируют иную картину. Лишь 12 из них (≈ 27%) дебютировали стихами — поэтических дебютов среди выходцев из духовной среды существенно меньше, чем у дворян. Зато почти половина начала с текстов, не связанных с изящной словесностью: если объединить публицистику (девять случаев; 20%) и нелитературные тексты — богословские, исторические, учебные и др. (11; ≈ 24%), получаем 20 авторов (44%). Это отражает и академический профиль семинарского образования, и институциональные возможности духовных школ: одним из главных каналов самовыражения для их

[10] Исключение, например, М. Н. Загоскин, дворянин, дебютировавший в 1815 г. пьесой «Проказник» и сумевший поставить ее на сцене [РП (2): 304].

выпускников была богословская периодика или связанные с ней издания. Характерен, например, случай архиепископа Иннокентия (в миру И. А. Борисова), будущего знаменитого проповедника, дебютировавшего в церковно-ораторском жанре [РП (2): 416].

Симптоматично полное отсутствие прозы: ни один из священнослужителей не выступил на литературном поприще в качестве автора рассказа или повести. Прозаические таланты среди них, безусловно, были — вспомним хотя бы Н. С. Лескова[11], но и его литературный путь начался не с крупной прозы, а с журналистской работы и очерков [РП (3): 340]. Драматургических дебютов тоже не обнаружено: трудно представить, чтобы воспитанник семинарии сразу выступил автором светской пьесы. Таким образом, духовное сословие давало литературе, как правило, критиков, ученых, публицистов — их первые публикации носили нередко прикладной или просветительский характер.

Еще более своеобразны профили представителей низших сословий. Половина писателей-крестьян (шесть человек из 12) дебютировали стихами. Показателен случай поэта-самоучки, крепостного кондитера И. С. Сибирякова. Его появление в печати было связано с программной публикацией П. П. Свиньина «Природный русский стихотворец» в «Трудах Общества любителей российской словесности» (1818, ч. XII), куда были включены стихи Сибирякова; материалы впоследствии перепечатывались в «Вестнике Европы» и «Отечественных записках». Одновременно развернулась общественная кампания по выкупу поэта из крепостной зависимости [РП (5): 602]. Этот случай демонстрирует, как поэтический дебют становился не только литературным, но и социальным событием: «самоучка» получал символический капитал через журнальную публичность и покровительство влиятельных лиц.

Сходный путь прошел М. Д. Суханов — выходец из государственных крестьян Архангельской губернии. Он начал литературную деятельность в начале 1820-х годов: сначала регулярно отправлял стихи в «Русский инвалид», затем публиковался в журналах «Сын Отечества» (при поддержке Ф. В. Булгарина), «Благонамеренный» и «Отечественные записки». В 1828 г. увидел свет первый поэтический сборник Суханова, удостоенный серебряной медали Российской академии [РП (6): 142]. Подобный пример вписывается в модель доступного дебюта для авторов из низших сословий, где периодическая печать выступала в роли социального лифта.

Второй частый путь — переводы (три случая, 25%). Некоторые одаренные представители крестьянства получали поддержку меценатов, которые обучали их языкам; такие «самородки» начинали литературный путь с переводов: например, вольноотпущенный К. Н. Баранов под покровительством театрального директора Ф. Ф. Кокошкина в 1821 г. сразу заявляет о себе как переводчик. В Москве вышел его двухтомник «Театр г. Флориана» (шесть комедий в переводе) [РП (1): 155].

[11] С той оговоркой, что отец Н. С. Лескова, будучи выходцем из духовного сословия, все же получил право на потомственное дворянство.

Публицистика в качестве дебюта встречается также у трех авторов (25%) и принципиально отличается от «типового» сценария поэтического или переводческого старта. Как правило, предполагается не столько «самопроявление» таланта, сколько его раннее включение в учебно-служебную и университетскую среду, которая становится социальным лифтом. Так, А. В. Никитенко, выходец из семьи воронежских крепостных, в десять лет получил возможность начать обучение в уездном училище. И хотя дальнейшее образование оказалось недоступным из-за сословных ограничений, приобретенные знания дали начинающему автору необходимую языковую базу, а профессиональная деятельность (в том числе частные уроки в Острогожске) — доступ к определенным социальным кругам [РП (4): 297].

Аналогично М. П. Погодин, сын дворового человека, получил хорошее начальное образование (с 1810 по 1814 г. он у воспитывался у приятеля отца, московского типографа А. Г. Решетникова, а затем продолжил обучение в Московской губернской гимназии), что открыло ему дорогу в университет и литературу [РП (4): 661].

При этом ни один из писателей-крестьян не обратился к драматургии[12]. Вероятно, это свидетельствует о значительной культурной дистанции между крестьянской средой и театральной традицией: сценическое искусство оставалось для них малодоступной и непонятной сферой.

Таким образом, литературная деятельность выходцев из крестьян развивалась в трех основных направлениях. Первым выступала поэзия — жанр, наиболее доступный благодаря глубокой связи с песенным фольклором. Вторым направлением становился перевод, позволявший применить приобретенные навыки грамотности к практически значимым задачам. А третьим и наиболее сложным был публицистический дебют, требовавший не только основательной языковой подготовки, но и осведомленности в общественных, политических и культурных вопросах. При этом дальнейшая судьба таких авторов во многом зависела от покровительства и интереса публики к «голосу народа». Социальная роль крестьянских писателей долго оставалась подчиненной: их поэтические опыты воспринимались просвещенной публикой скорее как любопытные проявления природного таланта, нежели «равноправный» вклад в литературу[13].

Мещане и купцы в нашем исследовании малочисленны (8 и 19 человек соответственно, итого ≈ 7% выборки). Тем не менее и среди них прослеживается определенная тенденция: из восьми писателей-мещан половина

[12] Случаи переводов драматических произведений мы не считаем за «самостоятельный» дебют в жанре драмы.

[13] Например, В. Г. Белинский о А. В. Кольцове: «Большею частию в нем видели русского мужичка, который, едва зная грамоте, сам собою открыл и развил в себе способность писать стишки, и притом недурные» [Белинский 1955: 498]. Как полагает А. Шеля, деятельность литературных покровителей во многом определяла направление творчества поэтов-самоучек. Так, П. П. Свиньин и Б. М. Федоров пытались адаптировать опыт Р. Блумфилда, побуждая авторов обращаться к пасторальной тематике и воспеванию сельского труда [Šeļa 2021].

дебютировали поэзией, три (37,5%) — переводами, а один (≈ 12,5%)[14] — публицистикой. Прозаических дебютов мещан не зафиксировано, как и драматических. Видимо, их стратегия мало отличалась от крестьянской: использовать имеющееся образование для того, чтобы через стихи или переводы заявить о себе и войти в литературный круг. Стоит учесть, что многие выходцы из мещан, потянувшиеся в литературу, сами вскоре получили более высокий статус (например, через университетское образование) и превратились, по сути, в разночинцев-интеллигентов. Поэтому грань между категориями «мещанин» и «разночинец» в контексте литературного пути довольно условна.

Для купцов соответственно распределение выглядит так: поэзия — 13 (≈ 68%), переводы — 3 (≈ 16%), проза — 1 (≈ 5%), публицистика — 1 (≈ 5%), нелитературные тексты — 1 (≈ 5%). Драматургии и гибридных дебютов не зафиксировано. Обе группы (и купцы, и мещане) малочисленны и «узки» жанрово, с ярко выраженным доминированием поэзии и заметной ролью перевода как доступной стартовой стратегии. При этом купцы тяготеют к поэтическому дебюту, мещане — более «сбалансированы» между поэзией и переводами.

Наконец, рассмотрим группу разночинцев (26 человек, ~ 7% выборки), под которой, напомним, мы понимаем выходцев из несословных семей (актеры, солдатские дети и др. юридически не оформленные категории). Их жанровые предпочтения при дебюте оказались наиболее разнородны. Около половины (12 человек) дебютировали поэзией. С другой стороны, внутри группы разночинцев доля прозаических дебютов заметно выше, чем среди представителей иных сословий: пять случаев (≈ 19%). Драматический дебют зафиксирован также у двух разночинцев (≈ 8%) — что удивительно, ведь даже дворяне редко начинали с пьес. Оба случая связаны со «смежными» профессиями: так, П. А. Каратыгин (актерская семья) дебютировал театральным водевилем [РП (2): 480], а Н. Р. Судовщиков (был близким знакомым Н. Ф. Эмина, пользовался покровительством директора театров А. Л. Нарышкина) — стихотворной комедией в 1802 г. [РП (6): 120]. Вероятно, принадлежность к театральной среде сыграла определенную роль.

Совокупно портрет разночинца-дебютанта выглядит двойственным: с одной стороны, половина — лирики (как и у других сословий), с другой — ощутимая доля прозаиков и драматургов, что говорит об амбициозности и широте литературных задач представителей этой прослойки.

Иными словами, статистически подтверждаются следующие закономерности:

[14] В. Г. Анастасевич родился в семье судебного чиновника. В 1794–1796 гг. занимался переводом с польского пьесы И. Маревича «Полюса, дочь колесника, или Освобожденная вольность», которая, однако, не была опубликована. Дебютировал около 1802 г. статьями (в том числе переводными) в журналах, близких Вольному обществу любителей словесности, наук и художеств [РП (1): 62].

• дворянское происхождение повышает вероятность того, что первый опыт автора окажется стихотворным;

• выходцы из духовного сословия чаще начинают с публицистики или нелитературного текста, реже — с поэзии;

• крестьяне, мещане и купцы, если и приходят в литературу, почти всегда делают это через поэзию (либо через переводы или статью, последнее — более сложный путь);

• разночинцы в целом повторяют путь низших сословий, но среди них выше доля тех, кто заявляет о себе через прозу или драму.

Эти статистические выводы вполне созвучны интуитивным представлениям историков литературы.

Выводы

Результаты проведенного исследования указывают на определенную связь между социальным происхождением и выбором дебютного жанра. Анализ распределений выявляет характерные тенденции (например, у выходцев из духовенства чаще нелитературные тексты и реже поэзия, у дворян — чаще поэзия), которые согласуются с представлениями о структуре литературного поля, но требуют подтверждения на расширенных данных или при агрегировании редких категорий. Используя терминологию П. Бурдьё, можно сказать, что авторы из разных социальных классов занимали неодинаковые позиции в литературном поле и обладали разным объемом культурного капитала, что диктовало им различные «позиционирования» при входе в поле литературы [Bourdieu 1986; 1991]. Дворяне, обладая наибольшим запасом легитимности и символического капитала, могли позволить себе дебют в «чистом» художественном жанре. Напротив, выходцы из низших слоев вынуждены были завоевывать признание практическими заслугами или оригинальностью тематики. Поэтому дети духовенства и разночинцы чаще выбирали жанры, связанные со знанием и просвещением (статья, перевод).

Наше исследование также освещает эволюцию жанрового канона под воздействием социальных изменений. В начале XIX в. лирика монополизировала дебюты, но к 1830-м картина стала куда разнообразнее: выросла доля прозы и публицистики. Это связано не только с общим развитием литературы, но и с притоком новых социальных групп. Стали набирать популярность жанры очерка, социального романа, фельетона, которые потеснили дворянскую лирику. Это хорошо согласуется с общеизвестным фактом: во второй половине XIX в. главенствующей становится реалистическая проза, а поэзия несколько утрачивает центральные позиции. Таким образом, по мере демократизации литературы дебютный жанр смещается от «высокой» лирики к более «деловым» формам.

Опираясь на приведенные выше данные, можно условно выделить следующие типы дебютных стратегий, популярных среди литераторов начала XIX в.

1. Стратегия престижа (характерна для дворян): выбрать жанр, который подчеркнет тонкость вкуса и образование автора (стихотворение, элегия, поэма, трагедия) — тем самым утвердить себя среди равных в свете.

2. Стратегия полезности (духовенство, часть разночинцев): начать с жанра, имеющего практическое значение (перевод, научный труд, богословская статья), чтобы сначала заслужить имя, а потом уже переходить к художественным произведениям.

3. Стратегия подражания канону (мещане, купцы): дебютировать в жанре, который моден и общепринят (предпочтение отдается стихотворной форме), т. е. сначала войти в литературу «как все», а уж потом искать свой голос.

4. В отношении же крестьянских авторов корректнее говорить не о «самобытной поэтике», а о социально маркированном сценарии предъявления и рецепции: их дебюты, независимо от жанра, чаще становятся событием, требующим посредников (редактора, покровителя и т. п.).

Перечисленные стратегии, разумеется, отнюдь не всегда осознанно избирались авторами — чаще они диктовались обстоятельствами происхождения, воспитания и круга общения.

Примечательно, что многие закономерности, сформировавшиеся в первой трети XIX столетия, сохраняют свою силу и в последующие периоды. Так, в эпоху Серебряного века вновь доминируют поэтические дебюты — однако их возрождение обусловлено уже не сословными факторами, а сменой культурной парадигмы. При этом социальное неравенство отнюдь не исчезает: оно трансформируется, обретая новые формы — например, проявляется через неравный доступ к издательским ресурсам, кружкам модернистов и иным каналам культурной легитимации. Однако это предмет отдельного исследования. В контексте же XIX столетия мы видим, как постепенно литература становилась все более открытой социально и жанровая палитра обогащалась — от узкоэлитарной к довольно демократической. Дебютные шаги писателей — маленькие, казалось бы, факты биографии — в совокупности образуют панораму культурной динамики эпохи. База данных проекта, впервые объединившая биографические и библиографические сведения о писателях первой трети XIX в. в формализованном виде, позволила количественно оценить то, что раньше ощущалось лишь качественно. Описанная в статье структура (с разделами по дебютам, жанрам, социализации, признанию и др.) служит примером использования цифровых методов в гуманитаристике, открывая перспективы для новых исследований.

Нельзя не отметить, что жанр дебюта — лишь одна из граней социального бытования литературы. За ним стоят более сложные явления: система литературного обучения (школы, салоны, кружки), каналы коммуникации (пресса, издательства), культурные стереотипы (например, образ «поэта-дворянина» или «писателя-разночинца»). Наши выводы согласуются с исследованиями, трактующими литературу как социальный институт со своей стратификацией.

Источники

Белинский 1955 — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 9. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955.

Справочные издания

РП — Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь / Гл. ред. П. А. Николаев и др. Т. 1–. М.; СПб.: Сов. энциклопедия и др., 1989–.

Литература

Аронсон, Рейсер 1929 — *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны / Ред. и предисл. Б. М. Эйхенбаума. Л.: Прибой, 1929.

Бодрова 2021 — *Бодрова А. С.* Литературные общества в России первой половины XIX века: проблемы междисциплинарного описания // Русская литература. 2021. № 1. С. 5–18. https://doi.org/10.31860/0131-6095-2021-1-5-18.

Бодрова, Гуськов 2025 — *Бодрова А. С., Гуськов С. Н.* О социальной истории русской литературы XIX века. Задачи и перспективы изучения // Русская литература. 2025. № 3. С. 25–37. https://doi.org/10.31860/0131-6095-2025-3-25-37.

Буслаев 1987 — *Буслаев Ф. И.* Русский богатырский эпос. Русский народный эпос / [Подгот. текста, заключит. ст. Э. Л. Афанасьева]. Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1987.

Гудков, Дубин 2020 — *Гудков Л. Д., Дубин Б. В.* Литература как социальный институт: Сб. работ. 2-е изд., доп. М.: Нов. лит. обозрение, 2020.

Живов 1997 — *Живов В.* Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Новое литературное обозрение. № 25. 1997. С. 24–83.

Калмановский 1966 — Суриков и поэты-суриковцы / Вступ. ст., биогр. справки, подгот. текста и примеч. Е. С. Калмановского. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. (Загл. на обл. и тит. л.: И. З. Суриков и поэты-суриковцы).

Севастьянов 1984 — *Севастьянов А. Н.* Сословное разделение русского общества XVIII в. и литературно-общественный процесс (1762–1800) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1984. № 2. С. 66–80.

Сущий 2020 — *Сущий С. Я.* Русская литература XIX — начала XX в.: социодинамический анализ писательского сообщества // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 128–143. https://doi.org/10.31857/S013216250008500-3.

Bourdieu 1986 — *Bourdieu P.* The forms of capital // Handbook of theory and research for the sociology of education / Ed. by J. G. Richardson; Trans. by R. Nice. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1986. P. 241–258.

Bourdieu 1991 — *Bourdieu P.* Le champ littéraire // Actes de la recherche en sciences sociales. Num. 89. 1991. P. 3–46. https://doi.org/10.3917/arss.p1991.89n1.0003.

Jones 1996 — *Jones W. G.* The Russian language as a definer of nobility // A window on Russia: Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Gargnano, 1994 / Ed. by M. Di Salvo, L. Hughes. Rome: La Fenice Edizioni, 1996. P. 293–298.

Nahirny 1983 — *Nahirny V. C.* The Russian intelligentsia: From torment to silence. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1983.

Reyfman 2012 — *Reyfman I.* Rank and style: Russians in state service, life, and literature. Boston: Academic Studies Press, 2012. https://doi.org/10.1515/9781618111265.

Šeļa 2021 — *Šeļa A.* Russian self-taught poets of the 1820s: Pastoral, patronage and the British example // Russian Literature. Vol. 119. 2021. P. 15–41. https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2021.01.004.

Todd 1986 — *Todd III W. M.* Fiction and society in the age of Pushkin: Ideology, institutions, narrative. Harvard: Harvard Univ. Press, 1986.

References

Aronson, M., & Reiser, S. (1929). *Literaturnye kruzhki i salony* [Literary circles and salons] (B. M. Eikhenbaum, Ed.). Priboi. (In Russian).

Bodrova, A. S. (2021). Literary societies in Russia in the first half of the 19th century: problems of interdisciplinary description. *Russkaya literatura*, *2021*(1), 293–313. https://doi.org/10.31860/0131-6095-2021-1-293-313.

Bodrova, A. S., & Guskov, S. N. (2025). Social history of the 19th century Russian literature. Academic objectives and perspectives. *Russkaya literatura*, *2025*(3), 25–37. https://doi.org/10.31860/0131-6095-2025-3-25-37. (In Russian).

Bourdieu, P. (1986). The forms of capital (R. Nice, Trans.). In J. G. Richardson (Ed.). *Handbook of theory and research for the sociology of education* (pp. 241–258). Greenwood Press.

Bourdieu, P. (1991). Le champ littéraire. *Actes de la recherche en sciences sociales, 89*, 3–46. https://doi.org/10.3917/arss.p1991.89n1.0003.

Buslaev, F. I. (1987). *Russkii bogatyrskii epos. Russkii narodnyi epos* [Russian heroic epic. Russian folk epic]. Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian).

Gudkov, L. D., & Dubin, B. V. (2020). *Literatura kak sotsial'nyi institut: Sbornik rabot* [Literature as a social institution: Collection of works]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Jones, W. G. (1996). *The Russian language as a definer of nobility*. In M. Di Salvo, & L. Hughes (Eds.). A window on Russia: Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Gargnano, 1994 (pp. 293–298). La Fenice Edizioni.

Kalmanovskii, E. S. (Ed.). (1966). *Surikov i poety-surikovtsy* [Surikov and the Surikovite poets]. Sovetskii pisatel'. (In Russian).

Nahirny, V. C. (1983). *The Russian intelligentsia: From torment to silence*. Transaction Books.

Reyfman, I. (2012). *Rank and style: Russians in state service, life, and literature*. Academic Studies Press. https://doi.org/10.1515/9781618111265.

Sevast'ianov, A. N. (1984). Soslovnoe razdelenie russkogo obshchestva XVIII v. i literaturno-obshchestvennyi protsess (1762–1800) [The estate division of Russian society in the 18th century and the literary-public process (1762–1800)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 8: Istoriia, 1984*(2), 66–80. (In Russian).

Šeļa, A. (2021). Russian self-taught poets of the 1820s: Pastoral, patronage and the British example. *Russian Literature, 119*, 15–41. https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2021.01.004.

Sushchiy, S. Ya. (2020). Russian literature — sociodynamic analysis of the writers' community (19th — early 20th century). *Sotsiologicheskie issledovaniia*, *2020*(2), 128–143. https://doi.org/10.31857/S013216250008500-3. (In Russian).

Todd III, W. M. (1986). *Fiction and society in the age of Pushkin: Ideology, institutions, narrative*. Harvard Univ. Press.

Zhivov, V. (1997). Pervye russkie literaturnye biografii kak sotsialnoe iavlenie: Trediakovskii, Lomonosov, Sumarokov [The first Russian literary biographies as a social phenomenon: Trediakovsky, Lomonosov, Sumarokov]. *Novoe literaturnoe obozrenie, 25*, 24–83. (In Russian).

Информация об авторе

Елена Михайловна Филиппова
младший научный сотрудник,
Группа по изданию полного собрания сочинений и писем И. А. Гончарова,
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Россия, 196601, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
✉ *efilippova69@gmail.com*

Information about the author

Elena Mikhailovna Filippova
Junior Researcher, I. A. Goncharov Complete Works and Letters Publishing Group, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences
Russia, 196601, Saint Petersburg, Makarova Emb., 4
✉ *efilippova69@gmail.com*